

После ужина Цзи Чэнь вернулся в отель, а Тан Хуай повёз Сун Цинсюя домой.

Снова переступить порог этой квартиры спустя столько лет — и почти не помнить, что он чувствовал в прошлый раз.

Пока взгляд не зацепился за те самые нераспечатанные коробки.

Вспомнив, как когда-то Тан Хуай доставал из таких коробок всякие мелочи и молча запихивал ему в руки, Сун Цинсюй чуть приподнял бровь и как бы между делом спросил:

— То, что там лежит, ещё не успело испортиться?

Тан Хуай как раз оттирал влажной салфеткой грязь с его обуви. Услышав вопрос, он бросил взгляд на коробки, опустил ресницы и тихо усмехнулся:

— Эта коробка новая, Цзи Чэнь купил сегодня. А то, что было раньше... я выбросил, когда уезжал.

Сун Цинсюй негромко хмыкнул и прошёлся по квартире. Спавшая все эти годы память понемногу просыпалась.

Он заметил, что здесь всё осталось таким же, как раньше: чисто, аккуратно — и совершенно безжизненно. В прошлый раз в холодильнике хотя бы стояло несколько бутылок воды. Теперь же холодильник даже не был включён в розетку.

Стоило открыть дверцу, как в лицо ударил затхлый, гнилостный запах. Сун Цинсюй с отвращением нахмурился.

— Это вообще точно ваш дом? Почему здесь так... — он наклонил голову, подбирая слово помягче, и в итоге осторожно закончил: — ...пустовато?

Тан Хуай аккуратно поставил его обувь на место, подошёл, взял Сун Цинсюя за руку и отвёл к столу в столовой. Затем вытащил из пакета банку колы и, совсем как много лет назад, сказал:

— Если хочешь что-нибудь ещё — скажи. Если этого здесь нет, я схожу куплю.

Сун Цинсюй покачал головой:

— Ничего не надо. Не суетись. У меня и так всего два дня выходных, а завтра вечером я уже улетаю обратно.

В этих словах Тан Хуай услышал невысказанное продолжение, и тревога внутри тут же стала ещё гуще.

Но сейчас у него не было сил ни на что, кроме как смотреть Сун Цинсюю в глаза и ловить каждое изменение в его лице.

То давнее «тогда» между ними висело над ним, как дамоклов меч. Пока он не придумает способ надёжнее — или пока его родной отец не испустит дух, — Тан Хуай не собирался первым снова поднимать эту тему.

Потому что прекрасно знал: сколько ни объясняй, это не отменит той боли, которую Сун Цинсюй тогда пережил. А вернуться в прошлое и всё исправить у него всё равно не получится.

Сун Цинсюй не выносил этот вид Тан Хуая — обиженный, но послушный, будто прирученный собственной виной. Его обычно острые глаза сейчас были как затянутые дымкой. От этого у Сун Цинсюя всё внутри болезненно сжималось.

Кадык у него дёрнулся вверх-вниз, и бесчисленные вопросы вдруг рассыпались где-то между вдохом и выдохом.

Сун Цинсюй внезапно понял: в тот момент, когда он решил приехать в город S искать Тан Хуая, его сердце уже дало ответ.

Он дорожил Тан Хуаем настолько, что был готов встретиться даже с собственным унижением — лишь бы только приехать.

А значит, теперь уже не так важно, знал ли тогда Тан Хуай обо всём или нет, сделал ли это нарочно или сам стал пешкой.

Сун Цинсюй никогда не был мелочным человеком. И то, что он столько лет носил в себе эту гниющую занозу, объяснялось только одним: слишком уж исключительным было всё, что произошло между ними. настолько исключительным, что не обращать на это внимания он просто не мог.

Но раз уж для него сам Тан Хуай важнее, значит, нужно учиться быть мягче.

Сун Цинсюй сказал себе, что выяснять, кто прав, кто виноват, — это детское дело. Он уже взрослый. И думать ему стоит не о прошлом, а о настоящем и будущем.

— Ладно, — вдруг сказал он вслух.

Он сам взял Тан Хуая за запястье.

— Что было, то было. Раз прошло — пусть остаётся в прошлом. Впредь об этом можно не говорить. Лишь бы мы дальше...

Он запнулся, проглотив то, что не решился договорить, и продолжил:

— И ты тоже больше не цепляйся за прежнее. Давай оба смотреть вперёд.

Он уже собирался встать, когда Тан Хуай вдруг резко потянул его за руку и усадил к себе в объятия.

Тёплое дыхание коснулось живота через одежду. Сун Цинсюй замер, а потом медленно обнял Тан Хуая за плечи.

Погладив его по затылку, он с улыбкой спросил:

— Это у тебя так выглядит попытка поластиться?

Тан Хуай покачал головой. Жёсткие волосы щекотно царапнули ладонь. Сун Цинсюй хотел было отстраниться, но обнаружил, что уже намертво зажат в кольцо его рук.

Тан Хуай глубоко вдохнул и тихо заговорил:

— После развода родителей я уехал с мамой в Шанхай. Тогда моя мама работала вместе с мамой Цзи Чэня, поэтому мы с ним часто были вместе.

Сун Цинсюй понял, к чему тот ведёт, и невольно задержал дыхание — так боялся пропустить хоть слово. И одновременно ему ужасно хотелось закрыть Тан Хуая рот ладонью, чтобы не услышать вдруг: да, тогда он всё знал.

Это мучительное ожидание было похоже на чью-то руку: то она душила его за горло, то сжимала лёгкие так, что невозможно было вздохнуть.

Тан Хуай и сам не смел в эту минуту смотреть ему в глаза. Он тоже боялся.

Боялся увидеть в них разочарование. Боялся увидеть жалость. Но сильнее всего — равнодушие. Поэтому мог только держать его крепче и говорить, говорить медленно, шаг за шагом.

Голос, вибрируя, проходил через живот Сун Цинсюя вверх — тонко, едва заметно, почти щекотно.

— Я думал, так и буду жить в Шанхае: с мамой, рядом с Цзи Чэнем. Но в тот год у мамы

серьёзно рухнули дела.

.

Мать Тан Хуая сидела перед ним на корточках, почти уткнувшись лбом в его колени. Её плечи мелко дрожали, плач то обрывался, то начинался снова.

У Тан Хуая тоже перехватывало дыхание, и голос предательски дрожал.

— Мама знает, что поступает с тобой несправедливо, — говорила она. — Но я правда сейчас не справляюсь. Поживёшь какое-то время с папой, хорошо? Недолго. Как только я разберусь с делами, сразу приеду и заберу тебя обратно.

За окном раскатывался гром. Молния на миг озарила тёмную гостиную, и Тан Хуай, опустив взгляд, увидел седые волоски у матери на голове.

.

— По сути, от меня просили всего лишь на время вернуться в город S. Я, конечно, не мог отказаться. Я никогда раньше не видел маму такой.

Сун Цинсуй слушал — и у него буквально разрывалось сердце. Он мягко сжал пальцами мочку уха Тан Хуая, словно пытаясь хоть так его утешить.

Тан Хуай через ткань футболки поцеловал его в живот и продолжил:

— В тот день, когда я возвращался в город S, меня встречал отец. Он был очень рад. Но я сразу понял: рад он не из-за меня. Он давно хотел снова сойтись с мамой и решил, что это шанс. Думал, если зайти через меня, мама в конце концов уступит ради ребёнка.

Он усмехнулся почти беззвучно.

— Но ты же понимаешь: некоторых людей не переделать.

.

Тан Хуай вошёл домой с рюкзаком за плечами. Он ещё не успел даже положить ключи, как с балкона донёсся голос Тан Чжэньпина:

— Инвестиции? Сейчас не вариант. Я ж с женой ещё обратно не сошёлся, денег свободных нет. Подожди, вот снова сойдёмся — тогда денег будет хоть жопой есть.

Судя по всему, собеседник сказал что-то особенно удачное, потому что Тан Чжэньпин расхохотался.

— Да у неё там просто семейка с деньгами, да пару лет универа за плечами — вот и решила, будто всё на свете умеет. Какая из женщины бизнесменша? Сейчас вон уже почти в минусе сидит. Настолько замоталась, что даже сыном заняться некогда — не будь так, сдала бы она его мне?

Он снова хмыкнул в трубку.

— Карманные деньги? Да их ему мать даёт, там копейки. И это тоже можно провернуть?

Тут он обернулся и наткнулся взглядом на стоявшего в дверях Тан Хуая. Внутри у него что-то неприятно ёкнуло, и он поспешно понизил голос:

— Всё, потом договорим. Сын пришёл.

Не успел он закончить разговор, как Тан Хуай холодно произнёс:

— Даже не мечтай. Мама к тебе не вернётся.

.

Тан Хуай усмехнулся, будто сам над собой, над той детской прямолинейностью тех лет.

— Он взбесился и избил меня. Но я не собирался стоять столбом и терпеть. Только он всё равно не сдался. Ему казалось, что если он будет хорошо обо мне заботиться, мама узнает, как он со мной обращается, и вернётся.

— Но заботиться о человеке — это не только красиво говорить. Он каждый день пропадал в кабаках. Не то что мне готовить — он порой после пьянки сам не знал, у кого ночует.

— Со временем у него осталась только одна вещь, которую он ещё мог контролировать: моя учёба.

Сун Цинсуй тут же вспомнил катастрофические школьные оценки Тан Хуая и нахмурился:

— То есть ты специально не учился?

— Не совсем. Сначала мне правда не хотелось учиться, а потом я уже просто намеренно не старался на экзаменах. Не то чтобы я вообще ничего не понимал.

Сун Цинсуй заметно успокоился.

— Ну и хорошо. Значит, в детстве ты всё-таки был умный. А то было бы совсем обидно, если бы из-за такого человека ты загубил себе жизнь. Потом бы ещё не раз пожалел.

Тан Хуай усмехнулся:

— Для киберспорта диплом не нужен.

Сун Цинсуй стукнул его кулаком:

— Ты не будешь играть вечно.

И только тут Тан Хуай наконец поднял голову. Он посмотрел Сун Цинсюю в глаза и улыбнулся:

— Почему не буду? Пока ты в LPL, я буду рядом. Если ты захочешь играть всю жизнь, значит, и я смогу играть всю жизнь.

Сун Цинсуй замер. Кончики ушей, спрятанные в волосах, медленно залились красным, а губы сами собой поползли вверх.

— Не уводи разговор в сторону. Дальше.

Тан Хуай послушно кивнул:

— А дальше ты примерно всё и сам знаешь.

Сун Цинсуй удивлённо уставился на него:

— Подожди... То есть ты ведь и сам тогда совсем недавно вернулся в город S?

Тан Хуай кивнул:

— Ага. Я и правда пробыл там совсем недолго.

.

Была ранняя зима. Весь город S как будто затянуло серо-белой дымкой, и холод лез под кожу отовсюду. Тан Хуаю было лень покупать зимние вещи, поэтому он по-прежнему ходил в лёгкой

одежде.

Он вернулся в общежитие за забытыми вещами и случайно увидел, как учитель ведёт в спальню Сун Цинсюя.

Тот, ещё совсем подросток, был худощавый, высокий, с белым лицом, наполовину спрятанным в воротнике. Глаза — огромные, яркие, красивые до невозможности. Таких глаз Тан Хуай прежде не видел: чистые, будто в них можно смотреться, как в зеркало.

Увидев его, юный Сун Цинсюй удивлённо распахнул глаза — и от этого стал выглядеть чуть глуповато и очень мило.

Тан Хуай отчётливо заметил, как кончики его ушей медленно заливаются красным, а потом он неловко улыбнулся.

И поэтому, когда они поравнялись, Тан Хуай нарочно замедлил шаг.

Шорох одежды, задевшей друг о друга, был похож на слабый ток: он прошёл сквозь несколько слоёв ткани и медленно добрался до сердца, оставив там тонкий зуд.

На вечерней самоподготовке классный руководитель сказал, что завтра в их классе появится переводной ученик, и спросил, кто может забрать домой сегодняшние распечатки и домашку.

Тан Хуай в это время решал задачу по физике. Обычно в такие вещи он не вмешивался, но, возможно, дело было в том, что на Сун Цинсюе тоже была слишком тонкая одежда, а может — в том, что его покрасневшие уши оказались слишком милыми.

Он поднял руку.

— Дайте мне. Мы же в одной комнате живём.

Но вернувшись в общежитие, Тан Хуай не увидел той картины, которую почему-то себе вообразил: молчаливого, одинокого мальчишку, ждущего его с тетрадами.

Вместо этого Сун Цинсюй стоял посреди толпы, а вокруг него болтали люди — много, бессмысленно и не по делу.

Тан Хуай постоял в дверях, понаблюдав и вдруг понял, что голос у Сун Цинсюя слегка охрип, а щёки уже пылают, как яблоки. И тут же почувствовал раздражение.

У этих придурков что, вместо головы по лампочке? Совсем не видно, что новенькому плохо?

Его уже в жар бросает, а они всё держат и треплются с ним без конца.

Сначала Тан Хуай просто протянул ему домашку и, представившись одноклассником, как бы между прочим дал понять: уж он-то к нему ближе, чем эта толпа пустомель.

А потом полез искать жаропонижающее.

Когда ещё несовершеннолетний Тан Хуай протягивал лекарство, его пальцы на самом деле едва заметно дрожали. К счастью, Сун Цинсуй горел от температуры и ничего не заметил.

Тан Хуаю совсем не хотелось, чтобы Сун Цинсуй увидел в нём того самого школьного хулигана, каким его описывали соседи по комнате. Но подросток, который уже очень давно ни с кем по-настоящему не разговаривал, долго подбирал слова — и в итоге смог только неловко выдать:

— У тебя температура. Выпей это.

А сказать ему хотелось совсем другое:

Они не по-настоящему к тебе добры. Они даже не видят, что тебе плохо. Только я правда о тебе беспокоюсь, так что не верь им.

Мы оба — чужие, случайно заброшенные в этот мир. У нас одна и та же боль.

Так что...

можешь ещё раз мне улыбнуться?

<http://bllate.org/book/18105/1736447>